

Журнал "Украинская Жизнь"

Год издания второй №2

УДК 93
ББК 63.3
Ж92

Ж92 Журнал "Украинская Жизнь": Год издания второй №2 / – М.: Книга по Требованию, 2012. – 116 с.

ISBN 978-5-458-24070-3

ISBN 978-5-458-24070-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

бенно при нѣкоторой натянутости отношеній между подѣлившими ихъ государствами, можно назвать трагическимъ въ полно^{мъ} смыслѣ слова, такъ какъ здѣсь на-лицо и трагическій конфликтъ: съ одной стороны національное чувство соединяетъ ихъ нерасторжимыми узами, съ другой—гражданскій долгъ вмѣняетъ въ обязанность усвоеніе себѣ интересовъ тѣхъ державъ, въ составъ которыхъ они входятъ. Трагичность положенія еще обостряется въ томъ случаѣ, если одинъ и тотъ же народъ поставленъ въ одномъ государствѣ лучше, нежели въ другихъ, какъ поляки и, за послѣднее время, украинцы въ Австріи (но не въ Венгріи). Что касается поляковъ, то ихъ „инородчество“ у насъ не подвергается сомнѣнію, а потому не такъ ужъ возмущаетъ насъ и ихъ „австрофильство“ (совершенно понятное, но и сильно преувеличенное — отчасти, можетъ быть, чѣмъ-то въ родѣ упрековъ совѣсти). Но положеніе украинцевъ у насъ еще того хуже, потому что въ нашихъ глазахъ они—„ни мышенокъ, ни лягушка“, однако и то, и другое вмѣстѣ: мышъ они, правда, не простая, а летучая, которую люди, не свѣдущіе въ зоологіи, причисляютъ то къ звѣрямъ, то къ птицамъ; а что на лягушку-то они смахиваютъ, такъ это вѣрно: какъ не приравнять къ амфибіи того, кто корову такъ и называетъ коровой, а вотъ утку—ужъ по-польски: „качка“? Потому ихъ и официально относятъ то къ „инородцамъ“, то къ „русскимъ“, смотря по тому, какія ихъ права подлежатъ разсмотрѣнію: вообще ли національныя или только школьныя—невозбранная возможность употребленія „мѣстнаго“ языка въ преподаваніи. А къ „русскимъ“ можно ихъ причислять, сколько угодно, потому что, какъ доказалъ ихъ же историкъ, профессоръ М. С. Грушевскій, Русью и называлась первоначально только нынѣшняя Украина, да и теперь они сами себя и поляки ихъ называютъ русскими. Такъ же зовутъ себя и слывуть у поляковъ бѣлоруссы. Словомъ, весь тотъ отдѣлъ славянскихъ племенъ, который въ наукѣ называется восточнымъ, носить одно имя—„Русь“, въ противоположность отдѣламъ западному и южному, развѣтвленія которыхъ означаются особыми названіями.

Единство названія цѣлыхъ трехъ племенъ — да вѣдь это залогъ братскаго единенія и счастья всѣхъ трехъ! Ка-

изъ трехъ восточно-славянскихъ племенъ: всякій называющійся русскимъ долженъ быть великороссомъ. Мало того: по мнѣнію приверженцевъ „великорусской идеи“, онъ и есть въ сущности великороссъ, потому что, хотя бы и назывался малороссомъ, ничѣмъ не отличается отъ великоросса и въ силу своего тождества съ нимъ не имѣетъ ничего общаго съ „украинцемъ“. Правда, такое разсужденіе не высказывается никакими націоналистами прямо, но оно несомнѣнно лежитъ въ основѣ, напримѣръ, такого заявленія, заключающаго собою статью г. Л. Волкова „Австрія и украинцы“ въ № 299 „Московскихъ Вѣдомостей“: „Австрійская власть... преслѣдуетъ тѣхъ галицкихъ малороссовъ, которымъ совѣсть не позволяетъ отречься отъ своей родной народности“. Отъ какой такой „родной народности“? Очевидно, отъ малорусской. Въ пользу какой иной народности? нѣмецкой? польской? Нѣтъ, „украинской“. Но вѣдь украинцами называютъ себя малороссы же. Стало быть, тѣ галицкіе малороссы, „которымъ совѣсть и т. д.“, и не вынуждаются, никѣмъ отречься отъ малорусской народности.

А въ дѣйствительности дѣло обстоитъ такъ, что тѣ совѣстливые галицкіе малороссы, которыхъ прикровенно разумѣетъ г. Л. Волковъ, отрекаются отъ своей „родной“, т.-е. малорусской или украинской, народности въ пользу чуждой имъ великорусской: это партія такъ-называемыхъ москвофиловъ, возникшая въ тѣ времена, когда австрійскіе „русскіе“, т.-е. малороссы или украинцы, въ политическомъ отношеніи не пользовались почти никакими правами а въ культурномъ должны были всецѣло подчиняться нѣмцамъ, полякамъ или великороссамъ. Вотъ этотъ-то національно-культурный пережитокъ наши націоналисты и выдаютъ за подлинныхъ русскихъ въ Австріи, а всю ту часть галицко-русской интеллигенціи, которая въ основу своей культуры полагаетъ свою въ самомъ дѣлѣ „родную народность“ и, дорожа дарованными ей въ Австріи правами, не тяготѣетъ къ Россіи, обзываютъ мазепинцами, т.-е. какъ-будто измѣнниками Россіи. Тѣмъ чаще эта кличка примѣняется кое-кѣмъ изъ насъ къ нашимъ украинскимъ націоналистамъ. По мнѣнію (или по словамъ) г. Л. Волкова, украинство и въ Россіи „создано и выращено австрійскою политикой“. Такъ ли это или не такъ, зависитъ отъ того, что мы будемъ разумѣть

ское издѣліе, а возникло у насъ почти одновременно съ великорусскимъ „народничествомъ“ и даже въ нѣкоторой связи съ нимъ, такъ какъ „украинцы“—поголовно демократы. Въ Австрію украинство перекинулось во второй половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда преслѣдованія, воздвигнутыя у насъ на все украинское, заставили нашихъ украинцевъ искать убѣжища для своей національно-культурной дѣятельности гдѣ-нибудь за предѣлами родного края. Такимъ образомъ, украинство, не только въ Россіи, а и въ Австріи, есть произведеніе вполне русское, отчасти даже государственно-россійское. Что оно пригодилося австрійскому правительству въ его борьбѣ съ поляками и съ россійскимъ вліяніемъ, это вполне естественно; но въ такомъ прискорбномъ оборотѣ благопріятнаго намъ процесса виноваты мы сами со своимъ узкимъ, подозрительнымъ государственнымъ націонализмомъ. Лишь крайняя политическая подозрительность могла внушить г. Л. Волкову слѣдующее бездоказательное соображеніе: „Судя по примѣрамъ прошлаго и зная тактику руководителей „украинцевъ“, можно быть увѣреннымъ, что ими заключены секретныя соглашенія съ австрійскими политиками“. А каковы эти примѣры и что это за тактика, предполагается какъ бы извѣстнымъ читателю, который однако едва ли что знаетъ объ этомъ дѣлѣ и потому долженъ вѣрить автору на-слово. Далѣе ставится уже вопросъ о цѣнѣ, какою „мазепинцы окончательно запродали себя Австріи“. Но гдѣ же хоть что-либо похожее на фактъ этой запродажи? Все одни подозрѣнія, для обоснованія которыхъ приходится вылавливать данныя изъ весьма сомнительныхъ источниковъ. Но вѣдь изъ источниковъ такого разбора, только съ австрійской стороны, легко добыть свѣдѣнія о россійскихъ агентахъ въ Галиціи, ведущихъ между тамошнимъ малорусскимъ крестьянствомъ посредствомъ обмановъ и подкуповъ дѣятельную пропаганду великороссійской идеи и православія. Иное дѣло обмѣнъ мыслей между россійскими и австрійскими украинцами: это—явленіе безусловно естественное, и, если оно оказывается не всегда благопріятнымъ для насъ, въ этомъ виновата все та же наша внутренняя національная политика; а повернуть эти сношенія въ нашу пользу зависитъ отъ насъ. За это и теперь можно ручаться, тѣмъ болѣе, что, судя по слухамъ, идущимъ изъ Галиціи, тамъ возникаетъ новая партія, отнюдь не москво-

фильская, но тѣмъ не менѣе проповѣдующая не отторженіе російской Украины къ Австріи, а присоединеніе Галиціи къ російской Украинѣ, гдѣ украинцевъ разъ въ шесть больше, чѣмъ въ Австріи.

Теперь мы находимся, можетъ быть, наканунѣ войны съ Австріей; каково же при этомъ положеніе поляковъ и украинцевъ, которымъ предстоитъ, чего добраго, рѣзаться со своими братьями? И вотъ въ эту-то поистинѣ трагическую минуту г. Л. Волковъ приглашаетъ „русскихъ украинцевъ“ торжественно протестовать противъ заявленія галицкаго украинца Цегельскаго, который въ „Neue Freie Presse“ отъ лица украинскаго партійнаго съѣзда сновѣстиль, кому вѣдать надлежитъ, что въ случаѣ войны не только австрійскіе, но и російскіе украинцы станутъ на сторону Австріи! А почему Цегельскій вслѣдъ за тѣмъ въ той же газетѣ пояснилъ, что его заявленіе не касается російскихъ украинцевъ? Откуда это внезапное публичное признаніе своихъ единомышленниковъ политическими Хлестаковыми? Это могло произойти только вслѣдствіе настойчиваго протеста со стороны російскихъ украинцевъ. Но г. Л. Волковъ требуетъ, чтобы этотъ протестъ былъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе. Легко сказать! А каково нашимъ украинцамъ собственноручно вырыть пропасть между собою и той самой частью того же народа, у которой въ годы безпощадныхъ гоненій они нашли пристанище для своихъ духовныхъ потребностей и которой сами они своими мыслями, знаніями и деньгами помогли подняться на значительную національно-культурную высоту, составляющую предметъ ихъ тщетныхъ воздыханій?

Прекратимъ эти воздыханія не обычнымъ приемомъ зажатія рта, а удовлетвореніемъ законныхъ желаній нашихъ украинцевъ—и тогда, только тогда мы получимъ право на требованіе, чтобы они громогласно протестовали противъ малѣйшаго намека на возможность ихъ симпатій къ чужому государству. Но тогда они выступятъ съ такимъ протестомъ и безъ нашего требованія.

Ө. Коршъ.

Воспоминанія

(Продолженіе ¹⁾).

Еще съ шестого класса въ моемъ, нашемъ міросозерцаніи маячилъ впереди восхищавшій насъ типъ-студентъ. На святкахъ, на каникулахъ стали появляться у насъ пріѣзжіе и проѣзжіе студенты. Трудно теперь обрисовать этотъ дорогой для насъ типъ того ловкаго, удалаго юноши въ сюртукъ съ синимъ воротникомъ, въ фуражкѣ съ такимъ же синимъ околышемъ. Это не былъ студентъ времени пледа, высокихъ ботфортовъ и широкополой шляпы, вѣчно диспутующій, загадочный, вскормленный на духовномъ млекѣ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, все отрицающій, тургенево-базаровскій нигилистъ, какъ равно не былъ и нынѣшнимъ всѣми заподозрѣваемымъ, крайне озабочивающимъ полицію и инспекцію со стороны своей неблагонамѣренности, типомъ сѣрой тужурки, исполосанной казацкою нагайкой, хорошо ознакомленнымъ съ режимомъ тюрьмы и въ своемъ эволюціонированіи дошедшимъ до карьеризма, подсказывающаго ему поднесеніе иконъ генераламъ. Нѣтъ, нашъ излюбленный типъ былъ юношей безусловно честнымъ, всѣми любимымъ, ловкимъ, удалымъ, просвѣщеннымъ, на все хорошее отзывчивымъ и, главное, полнымъ вѣры въ самого себя до полнѣйшаго отстраненія даже мысли о карьерѣ, о практическихъ результатахъ своего ученія. Даже присущность студенту временъ Бибикова желанной послѣднимъ наклонности къ разгулу и къ пьянству не затмевали въ нашихъ глазахъ этого идеализируемаго нами милаго образа (Ниже мнѣ придется говорить объ этихъ кутежахъ и разгулѣ, а теперь я только скажу, что эта поощряемая Бибиковымъ наклонность ради отвлеченія всякой политики студентовъ далеко не ко всѣмъ привилась и не всѣхъ увлекла).

При переходѣ нашемъ изъ шестого въ седьмой классъ гимназіи въ Кіевѣ случилась цѣлая исторія, еще болѣе обрисовывающая удачу студентовъ того времени. Это была

¹⁾ См. „Укр. Жизнь“, январь 1913 г.

расправа съ полковникомъ Бринкеномъ. Исторія эта запечатлѣлась въ моей памяти какъ изъ разсказовъ о ней въ публикѣ, такъ и изъ разсказовъ слышанныхъ отъ самихъ дѣйствующихъ лицъ, и затѣмъ изъ описанія ея въ одной эпопеѣ, изложенной библейскимъ слогомъ на польскомъ языкѣ, „Бринкиады“ (Brinkiada). Я забылъ фамилію автора. Дѣло было такъ.

На Страстной недѣлѣ 1857 года заучившійся студентъ-медикъ V-го курса Яроцкій прогуливался по одной изъ улицъ Липокъ (медики V-го курса обыкновенно переселялись съ Новаго Строенія—этого гнѣзда студенческихъ квартиръ—на Печерскъ, откуда имъ было ближе къ госпиталю, гдѣ сосредоточивалось ихъ ученіе). Во время прохожденія Яроцкаго по улицѣ Липокъ изъ одного параднаго подъѣзда вышелъ подъ-руку съ женою полковникъ Бринкенъ (зять какого-то высокопоставленнаго лица). Бѣжавшая за этимъ супружествомъ собаченка зрѣлась на Яроцкаго и стала рвать его за голу шинели. Собачка, отброшенная сильнымъ ударомъ ноги, завизжала, барыня завопила, а полковникъ Бринкенъ, оставивъ жену, накинулся на тщедушнаго Яроцкаго съ бранью, съ угрожающими жестами и подбѣжавшимъ по его оклику слугамъ велѣлъ отвести Яроцкаго въ полицейскій участокъ. Въ полициі, разумѣется, не нашли въ поступкѣ Яроцкаго предосудительнаго и записали его фамилію и по его требованію самый случай со словъ швейцара и еще другаго слуги Бринкена, отпустили его. Товарищи Яроцкаго—студенты обратились къ генералъ-губернатору князю Васильчикову съ жалобой. Кн. Васильчиковъ, добрый, умный старикъ, понималъ всю неприглядность поступка Бринкена и поручилъ старшему полицеймейстеру уладить это дѣло, уговорить Бринкена извиниться передъ Яроцкимъ, но Бринкенъ наотрѣзъ отказался отъ всякаго извиненія „перель мальчишками“, которымъ, между прочимъ, стало извѣстно, что онъ, Бринкенъ, сейчасъ же послѣ праздниковъ Пасхи, къ концу Проводной недѣли долженъ выѣхать изъ Кіева на постъ губернатора въ одну изъ остзейскихъ губерній. На Святой недѣлѣ студенты собирательно повторили свою жалобу и, когда увидѣли, что власти стараются замаять дѣло, очевидно, рассчитывая на скорый отъѣздъ Бринкена, порѣшили сами съ нимъ расправиться. Сейчасъ же былъ устроенъ тщательный надзоръ за нимъ. Узнали, что онъ во вторникъ на Про-

водной недѣлѣ будетъ въ театрѣ. Студентовъ было немного въ Кіевѣ, не успѣли еще съѣхаться всѣ разъѣзжавшіеся на праздникъ: по подсчету выходило не болѣе 300 человѣкъ (необходимо припомнить, что въ то время не уѣзжали цѣлыми вагонами, какъ теперь, а что ѣхать по весенней распутицѣ не всѣ могли). Условлено было, что кто можетъ, будутъ въ театрѣ, а остальные явятся въ указанное время къ театру и по оклику у подвѣзда: „извозчикъ номеръ первый“ войдутъ въ фойе театра. Къ концу спектакля по условленному сигналу студенты наполнили фойе, полиція была поприжата толпою къ стѣнамъ, и выходившаго полковника Бринкена студентъ Сьонгайло со словами „наказывается полковникъ Бринкенъ за оскорбленіе чести студентовъ“ сильнымъ ударомъ кулака сбиль съ ногъ; не дали ему выхватить изъ кармана пистолета. Произошла кулачная расправа: всѣ, кто только могъ, ударили несчастнаго полковника. Хоть однимъ пальцемъ, а всякій ткнулъ его,—разсказывали,—и сейчасъ же разбѣжались. Полиціи не удалось ни одного изъ студентовъ задержать. Прискакали жандармы, рота пѣхоты, но все это уже въ пустой слѣдъ.

Но нѣсколько человѣкъ отправились въ Англійскую гостиницу на Крещатикѣ ужинать и тамъ были арестованы полиціей.

Началось дѣло. Правительство, разумѣется, не могло оставить безъ преслѣдованія такого публичнаго буйства. Появились извѣстія обо всемъ этомъ въ газетахъ. Въ „Колоколѣ“ описана вся эта исторія. Сочувствіе общества было на сторонѣ студентовъ. Разслѣдованія дотянулись до августа, и кончилось тѣмъ, что только Сьонгайла, какъ казенноконтнаго студента, перевели въ Казань. Государь Александръ Николаевичъ, посѣтивъ университетъ въ августѣ 1857 года, сказалъ: „Шалости одного лица могутъ быть прощаемы, но шалости массы—никогда“ Этимъ и ограничился покойный добрый Государь.

Эта исторія Бринкена еще выше подняла въ нашихъ глазахъ престижъ студента. Мы завидовали нашимъ окончившимъ гимназію товарищамъ, поступившимъ въ университетъ..

Припомни себя въ ту пору твоей жизни, припомни тѣ порыванія наши въ университетъ, къ чему-то новому для насъ, дорогому, желанному, и ты не будешь нуждаться въ моей характеристикѣ того времени нашей юности.

Университетъ кievскій былъ если не совсѣмъ, то въ громаднѣмъ большинствѣ переполненъ поляками, кромѣ нашихъ украинскихъ, воляняковъ и подольскихъ еще латвинами и „коронярами“, т.-е. изъ Царства Польскаго (Koronia) — короны. Вѣдь это, если не считать одесскаго лицейя и гори-горецкаго агрономическаго института, единственное высшее учебное заведеніе въ той части Россіи. Заднѣпрянская молодежь, малороссы, частью отвлекались въ харьковскій университетъ, но были и у насъ. Студенты родомъ изъ трехъ юго-западныхъ губерній, губ. литовскихъ—Минской, Гродненской—и изъ Царства Польскаго давали окраску всему университету Господствующимъ языкомъ былъ языкъ польскій, организація студенческихъ кружковъ была только польская, такъ какъ остальные или по своей малочисленности, или по какимъ-нибудь инымъ причинамъ не составляли кружковъ и жили вразбродъ. Бибииковъ, говорятъ, поощрялъ нравственную распушенность студентовъ, полагая, что это отвлекало ихъ отъ всякой политики, и я засталъ кievскій университетъ при Ребиндерѣ съ Могилянскимъ и Юзефовичемъ и при мнѣ явился славной памяти Пироговъ, при мнѣ же повѣчалъ чѣмъ-то новымъ, гуманнымъ.

Удаль и разгулъ студенчества, доходившіе въ бибииковскія времена до разрушенія цѣлаго дома терпимости (на Андреевскомъ спускѣ—заведеніе Камбалы) и, наконецъ, завершившіеся Бринкиадою, вызвали реакцію: явилось сознаніе потребности другихъ формъ студенческой жизни и какъ всякая реакція, этотъ новый режимъ доходилъ до крайностей. Реакціонеры эти названы были пуристами, каковое названіе уже само собою указываетъ на характеръ этого вѣянія. Разгулу противопоставлялось крайнее воздержаніе въ пищѣ, полнѣйшее устраненіе пьянства, цѣломудренность и возможная скромность въ костюмѣ. Послѣднее доведено было до того, что многіе надѣли изъ сѣраго солдатскаго сукна штаны и изъ такого же чернаго сукна сюртуки. Буйству противопоставлялась вѣжливость и скромность Главариами и проповѣдниками пуризма были Антоновичъ (Владиміръ Бонифатіевичъ), окончившій къ тому времени медицинскій факультетъ въ угоду требовавшему этого своему отцу и перешедшій на историко-филологическій, и Загурскій, скоро какъ-то удалившійся изъ Кіева. Да и вообще пуризмъ какъ-то недолго продолжался въ универ-

ситетѣ, хотя послѣдствіемъ его долго оставалось пренебрежительное отношеніе къ студентамъ-франтамъ—тыфлецамъ (тыфель—такъ назывался толстый драпъ, изъ котораго богатые паньчи шили себѣ студенческіе сюртуки—даже особаго покроя—съ буфами на плечахъ, высокою пригнанной таліей и длинными полами; тыфлевецъ (tyflewies) было равносильно бѣлоподкладочнику настоящаго времени) и возможное избѣганіе франтовства. Коричневое какого-то грязнаго цвѣта пальто Антоновича, кажется, до окончанія имъ всего курса, и вѣчная обтрепанность покойнаго Фаддея Рыльского долго оставались какъ слѣды пуристическаго отношенія къ внѣшней формѣ жизни. Полагаю, что пуризмъ повліялъ и на наше того времени уподобанье свитки и вообще простонароднаго костюма, но только отчасти, такъ какъ это наше уподобанье имѣло и другія болѣе существенныя причины, о чемъ ниже будетъ мною сказано.

Почти одновременно съ пуризмомъ появилась у насъ мысль объ организаціи кружковъ. Это были тѣ же землячества. Кружки такіе назывались гминами (гміні) и составлялись изъ студентовъ одной гимназіи. Такъ, были гмины: кievская (обѣихъ кievскихъ гимназій), житомирская, немировская, бѣлоцерковская, минская... Представители-студенты, которыхъ было изъ какой-либо гимназіи очень немного—одинъ, два три человека,—примыкали по своему выбору къ какой-либо установившейся гминѣ. Такъ, Антоновичъ, одинъ только изъ одесской гимназіи, примкнулъ къ бѣлоцерковской гминѣ. Особую гмину составляли коронары.

Гмины эти имѣли сначала чисто землячeskій характеръ, представляли собою группы студентовъ-земляковъ одной гимназіи, скупившихся ради взаимной нравственной и матеріальной поддержки, причемъ, разумѣется, само собою явился извѣстнаго рода взаимный контроль товарищескій надъ поведеніемъ отдѣльныхъ лицъ. Хотя, какъ всякая польская ассоціація того времени, гмины эти не могли отречься отъ традиціоннаго, присущаго каждому поляку, національно-политическаго настроенія, но въ гминахъ это настроеніе ничѣмъ особеннымъ не проявлялось. Какъ жидкости слабы тономъ своей краски въ малыхъ количествахъ и даютъ сгущенный, яркій отцвѣтъ въ болѣе толстыхъ слояхъ, такъ, полагаю, и люди одномастные въ своихъ вѣрѣ